

свящ. Лев Семенов, декан ФДО, к.и.н., доцент кафедры сектоведения миссионерского факультета ПСТГУ.

О своеобразии методических приемов дистанционного обучения (на опыте преподавания курса "Новые религиозные движения")

Доклад на семинаре "Опыт и возможности применения интернет-технологий обучения в гуманитарном образовании", проходившем на ФДО 6 декабря 2007 года

Хотелось бы воспользоваться возможностью поделиться своим небольшим опытом преподавания в условиях интернет-обучения. Признаюсь, год назад я приступал к ведению дистанционного курса «Новые религиозные движения» не без некоторой опаски. И вот теперь намереваюсь обсудить с уважаемыми коллегами соображения, которые возникли у меня в итоге. Прежде чем перейти к рассмотрению собственно методических проблем, обусловленных спецификой именно дистанционного обучения, необходимо раскрыть содержательные моменты самого предмета изучения, поскольку именно они и определяют в значительной степени общие цели и задачи преподавания данного курса.

В идеале курс «Новых религиозных движений» должен изучаться одним из последних во всей системе учебного плана. Это объясняется тем, что само углубленное знакомство как с теоретико-методологическими аспектами сектоведения, так и с последующим конкретно-историческим изучением отдельных сект создает для студента (курсанта) немало сложностей, причем сложностей особого рода. Для преодоления их весьма желательна наличие уже накопленной к тому времени эрудиции общецерковного плана — в первую очередь достаточно основательного знакомства с догматическим богословием и церковной историей. Отсутствие у обучающихся познаний в этих областях значительно усложняет задачу и преподавателя, и самого студента.

У этой учебной дисциплины есть еще один подводный камень. Погружение в мир сект с их, так сказать, доктринальными, обрядовыми и бытовыми особенностями в ряде случаев представляет для некоторых студентов разновидность искушения и соблазна. Разумеется, глубокая воцерковленность и жизнь в вере создают стойкий иммунитет от такого рода проблем. Однако нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что уровень воцерковленности у разных студентов может оказаться существенно различающимся. Поэтому преподаватель должен предусмотреть, насколько возможно, все «узкие места» и отвести их разъяснению необходимое место.

Особенностью данного предмета изучения является и то, что он отличается ярко выраженной миссионерской направленностью. Поэтому преподавателю важно не просто направить учебный процесс на овладение определенным минимумом сведений, фактов (пусть даже в их внутренней взаимосвязи), но и нацелить студента на готовность в любой момент на практике встать на защиту чистоты Православия, отменяя измышления любой

секты. Речь идет о двух составляющих, каждая из которых необходима: (1) психологическая готовность (внутренняя настроенность на непримиримое противостояние тоталитарному сектантству во всех его проявлениях), а также (2) способность аргументированно раскрыть несостоятельность сектантских утверждений. Ведь известно, что если мы обычно не рекомендуем православному человеку ввязываться в спор с убежденным сектантом, то перед выпускником ПСТГУ заведомо стоят задачи именно активного противодействия сектантской проповеди.

Для того чтобы достичь этого, студента следует вооружить, в частности, и знанием (с целью умелого опровержения) основных «алгоритмов» сектантской проповеди, в первую очередь, направленной на критику Православия, Церкви. Знакомство с этим таит в себе гипотетическую угрозу того, что некоторые кощунственные заявления сектантских лидеров могут посеять сомнения в душе студента. Другими словами, изучая тоталитарное сектантство, которое по своей сути не является неким идеологически нейтральным феноменом, но по определению обнаруживает свой ярко выраженный антихристианский и антицерковный вектор, необходимо постоянно помнить, что каждый из твоих студентов не просто «среднеуниверситетская студенческая статистическая единица», а живой человек, который по немощи своей может быть подвержен сомнениям, приступам неуверенности в своей правоте, воздействию факторов внешнего неблагоприятного влияния.

Существенным обстоятельством в этом плане является такой часто недооцениваемый момент, как активная деятельность так называемых правозащитников, которые, в современном российском обществе практически скатились к статусу профессиональных сектозащитников. Речь идет о тех лицах и созданных ими общественных организациях с громкими названиями Институтов, Центров и т. п., которые, спекулятивно рассуждая о правах человека, на деле выступают агентами влияния тоталитарных сект (одной или нескольких сразу), лоббируя интересы лидеров этих сект как во властных структурах и различных социальных институтах, так и в СМИ, пытаясь целенаправленно формировать общественное мнение россиян в пользу тоталитарных сект. В абсолютном выражении число таких пособников сект предельно невелико, но они ведут себя очень шумно и крикливо, заполняя по мере сил доступное им информационное пространство в России и за рубежом. Ярким примером последнего служат ежегодные доклады Госдепартамента США, содержащие прямые выпады против России в связи с якобы имеющимися здесь нарушениями свободы совести, или позиция некоторых западных религиоведов типа Айлин Баркер (Великобритания) — то и другое чаще всего основывается непосредственно на материалах, услужливо предоставленных российским сектозащитным лобби. Не будет поэтому преувеличением сказать, что курс «Новые религиозные движения» является своего рода единственным курсом во всей системе богословского образования, против которого вне стен университета направлена целая армия средств пропагандистского воздействия. Неудивительно поэтому, что отдельные студенты могут испытывать на себе влияние подобной просектантской пропаганды, что напрямую проявляет себя порой в содержании задаваемых ими вопросов, в которых сквозит непонимание скрытого коварства тех или иных декларативных заявлений тоталитарных сект или положений их «вероучительных доктрин».

В итоге получается, что задачи преподавателя в ходе изучения курса «Новых религиозных движений» включают в себя осуществляемые синхронно: 1) системное изложение теоретико-методологических и конкретно-исторических основ современного сектоведения; 2) критическое изложение содержания сектантских лжеучений; 3) профилактика возможного невольного воздействия отдельных сектантских положений на сознание студента; 4) формирование знаний и навыков уверенного опровержения любых

сектантских измышлений.

Теперь нам остается рассмотреть, каким образом можно выполнить эти задачи в условиях дистанционного обучения. На первый взгляд может показаться, что у преподавателя, читающего свой курс с кафедры в обычной аудитории, больше возможностей для успешного решения поставленных задач. Он регулярно (по крайней мере, раз в неделю) общается со студентами, чувствует, чем «дышит» аудитория, может своевременно скорректировать возникшие сложности в усвоении изучаемого материала. Именно этими априорными соображениями питался мой некоторый скепсис в отношении возможностей интернет-обучения, когда год назад я приступал к новому для себя виду преподавания.

С радостью могу отметить, что сегодня мои опасения развеяны. Более того, как ни парадоксально это прозвучит, я открыл для себя большие возможности дистанционного обучения, порой даже превосходящие возможности обычного стационарного. Пожалуй, единственным узким местом в моем восприятии интернет-обучения является невольная «дискриминация» такой формы преподнесения учебного материала как лекция. Возможно, здесь сказывается мой возрастной консерватизм и тридцатипятилетняя привычка чтения лекций, но по большому счету я продолжаю быть уверенным в том, что лекция как тип учебного занятия никогда полностью не исчезнет из университетской практики.

Поскольку обоснование необходимости лекций в ходе учебного процесса не предполагается темой моего выступления, я не буду сейчас обосновывать мысль о незаменимости лекций. К тому же, думается, что они не противопоказаны и системе интернет-обучения. Просто по мере методического совершенствования каждой учебной дисциплины можно предусмотреть разработку хотя бы минимального по часам аудиокурса лекций.

Но отсутствие в учебном процессе лекций как таковых оказалось для меня единственным недочетом дистанционного обучения. Все остальные привычные формы скорее даже выигрывали в интернет-обучении в сравнении с традиционными. Скажем, в аудитории при проведении семинара не всегда оказывается достаточно времени для того, чтобы дать высказаться каждому студенту и тем более проанализировать его выступление, указав на сильные и слабые стороны, в чем-то поправив его или дополнив. Система же предусмотренных при дистанционном обучении ответов на контрольные вопросы, вопросы для обсуждения и участие в чат-семинарах фактически выливается в некий постоянно (на протяжении изучения курса) действующий семинар, в котором есть уникальная (с точки зрения традиционных форм обучения) возможность по каждой теме высказаться — и не однажды — каждому студенту, получив при этом обратную связь в виде оценки, примечания под звездочкой, а в необходимых случаях и развернутого отзыва преподавателя.

Несомненным преимуществом такого обучающего общения выступает и фактор фиксации всех высказываний (студента и преподавателя). Совершенно очевидно, что естественные ограничения возможностей человеческого внимания и памяти приводят к тому, что какие-то значимые моменты при их обычном обсуждении в аудитории могут быть утрачены. К тому же все студенты обладают разными индивидуальными показателями быстроты схватывания при восприятии нового материала. Поэтому принципиальная возможность не однажды вернуться к ходу обсуждения того или иного вопроса, которую предоставляют интернет-технологии обучения, полностью снимает и эту проблему.

Я не говорю сейчас уже о тех очевидных преимуществах интернет-обучения, которые обусловлены самими техническими возможностями интернета. Предоставление учебной

литературы в электронном виде, оперативное информирование о самых последних новостях в изучаемой области, реализация принципа наглядности обучения с помощью видеоряда и т. д.

Поначалу мне казалось, что существенным дефектом дистанционного обучения станет дефицит общения между студентами и преподавателем. Практика опровергла эти опасения. Более того, порой мне приходила в голову мысль, что общение в процессе интернет-обучения, при всей его виртуальности, даже богаче возможностями, нежели при традиционном обучении. В самом деле, далеко не каждый студент соберется с духом задать преподавателю какой-то мучающий его вопрос, не всегда найдется время для его серьезного (а значит, как минимум, неторопливого) обсуждения в аудитории или кулуарно в перерыве между парами. Здесь же я нередко сталкиваюсь с тем, что студенты (не только нынешнего потока, но даже прошлогоднего) обращаются по электронной почте с вопросами.

Примечательно, что вопросы эти бывают двух видов. Одна их категория непосредственно связана с проблематикой курса. Другая порой не имеет к нему никакого отношения, а представляет собой попытку обсудить какой-то очень важный для студента вопрос, попросить совета в непростой житейской ситуации. Это, по-видимому, особенно часто происходит в тех случаях, когда курс ведет священник. Из соображений регламента не буду сейчас останавливаться на этой важной, но, несомненно, требующей отдельного рассмотрения теме. Замечу лишь, что осуществление дистанционного обучения именно в системе ПСТГУ выдвигает на повестку дня еще одну, на мой взгляд, важную и интересную проблему: как в рамках интернет-обучения живая педагогическая практика порождает феномен преподавания, совмещенного с элементами пастырского окормления. Проблема очень деликатная, многоаспектная, но перспективы ее дальнейшего обсуждения представляются многообещающими.